

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002 >

РОМАН №8 2022 ГАЗЕТА

Виктор Кустов / Вестник

95
1927-2022

КУСТОВ Виктор Николаевич

Родился в 1951 году в Смоленской области. Закончил Иркутский политехнический институт, горный инженер. Работал в газетах. Член Союза писателей России. Автор 18 книг: проза, публицистика, пьесы. Лауреат премии им. А. Губина за повествование «Провинциалы». Победитель международного конкурса «Литературный Олимп» в номинации «Драматургия» (пьеса «Время шутов»).

Живет в Ставрополе.

Даниил Андреев

Будничное утро

Еще кварталы сонные

дыханьем запотели;

Еще истома в теле

дремотна и сладка...

А уж в домах огромных

хватают из постелей

Змеящиеся, цепкие

щупальцы гудка.

Упорной,

хроматическую,

крепнущую гаммой

Он прядает, врывается, шарахается вниз

От «Шарикоподшипника»,

с «Трехгорного»,

с «Динамо»,

От «Фрезера», с «Компрессора»,

с чудовищного ЗИС.

К бессонному труду!

В восторженном чаду

Долбить, переподковываться,

строить на ходу.

А дух

еще помнит свободу,

Мерцавшую где-то сквозь сон,

Не нашу—другую природу,

Не этот стальной сверхзакон.

И, силясь прощально припомнить,

Он в сутолоке первых минут

Не видит ни улиц, ни комнат,

Забыв свою ношу, свой труд.

Но всюду — в окраинах

от скрипов трамвайных

Души домов

рассвет знобит,

И в памяти шевелится,

Повизгивает, стелется

Постылая метелица

Сует

и обид.

Гремящими рефренами,

упруге ветра резкого,

Часов неукоснительной,

прямой чем провода,

К перронам Белорусского, Саратовского, Ржевского

С шумливую нагрузку подходят поезда.

Встречаются,

соседствуют,

несутся,

разлучаются

Следы переплетенные беснующихся шин,—

Вращаются, вращаются, вращаются, вращаются

Колеса неумолчные бряцающих машин.

Давимы, распираемы

потоками товарными,

Шипеньем оглашаемы

троллейбусной дуги,

Уже Камер-Коллежское, Садовое, Бульварное

Смыкают концентрические плавные круги.

Невидимо притянуты бесплотными магнитами,

Вкруг центра отдаленного, покорно ворожке

Размеренно вращаются гигантскими орбитами

Тяжелые троллейбусы мелькающего Б.

Встречаются, соседствуют, несутся, разлучаются,

Нагрузку неимоверную на доли разделя,

Окончание см. на 3 стр. обложки.

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Вильямович Козлов

**Редакционная
коллегия:**
Дмитрий Белюкин
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

**Ответственный
редактор**
Елена Русакова

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»
принадлежат
ООО «Роман-газета»
© ООО «Роман-газета», 2022
Все права защищены

Журнал зарегистрирован
в Министерстве связи
и массовых коммуникаций РФ.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-68350
от 30.12.2016 г.

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
roman-gazeta-1927@yandex.ru

**Подписные
индексы издания:**

в объединенном
каталоге
«Пресса России»
38915 на полугодие;
в электронном каталоге
«Почта России»
П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2022 №8 /1901/ Основана в 1927 г.

Виктор Кустов

Вестник

Повесть о жизни Даниила Андреева

Бусенька

Он проснулся, а Бусеньки нет.

— Бабушка, — позвал Даня. — Я уже совсем выздоровел.

Но вместо бабушки вошёл дядя Филипп.

— Вот и замечательно, — бодро произнёс он.

Положил мягкую руку Дане на лоб.

— И ты выздоровел, и солнышко светит.. Покажи-ка мне горлышко...

Он открыл рот, не ощущая прежней боли, отчего даже охотно выставил как можно дальше язык, и дяде Филиппу не пришлось долго разглядывать, что у него осталось в горле, так мешавшее прежде дышать.

— Ну вот, совсем хорошо, — сказал он.

— А где Бусенька?

— А она теперь далеко...

Дядя Филипп отвернулся, что-то делая с трубочкой, через которую он узнавал, что у кого болит, потом, повернувшись, внимательно глядя на осунувшееся после болезни лицо мальчика, произнёс:

— Давай мы тебя послушаем...

Даня охотно откинул одеяло, открывая своё тело, с улыбкой ожидая прикосновения трубочки и ощущая кожей ветерок от дыхания склонившегося над ним дяди Филиппа.

— Подыши, Данечка...

Он глубоко вдохнул, отчего стали видны рёбрышки, и солнечный луч, проскользнувший в щель портьеры, ласково и тепло их коснулся.

— Повернись, — сказал дядя Филипп.

Так не хотелось прогнать этот тёплый лучик, но дядю Филиппа надо было слушаться, он всегда слушался его даже больше, чем папу, и Даня быстро перевернулся на живот. Трубочка коснулась его спины, стало щекотно. Он хотел засмеяться, но сдерживался, пока дядя Филипп не убрал её, и тогда весело повторил:

— А где Бусенька, пусть она придёт...

— Ну вот, скоро можно будет и гулять, — сказал дядя Филипп, убирая трубочку и поднимаясь. — Но пока полежи.

— Пусть Бусенька придёт, — повторил он.

— Понимаешь, Данечка, она никак не может прийти.

— Почему? — удивился он.

Бусенька всегда была рядом, сколько он себя помнил. Бусенька и мама Лиля. А ещё дядя Филипп. Совсем редко — папа. Он больше помнил папу играющим с ним на зелёной лужайке перед домом, в котором ещё жил его старший брат Вадим, которому было уже девять лет, а ещё капризный брат Савва, который любил убежать от папы, а тот его любил догонять. Ещё там жила большая девочка Нина и маленькая — Вера, с которой было неинтересно... А ещё папина тётя Аня. Но она с ними совсем не играла.

Больше всего ему запомнилось, как они ездили в большой лес, где были огромные деревья и текла река с коричневой водой, а в ней шевелились зелёные существа, которые цеплялись за ноги, когда папа учил его плавать. Папа называл этих существ тиной, говорил, что они совершенно неживые, и они действительно становились такими, когда их вытаскивали на берег, превращаясь в мягкую и скользкую массу, неподвижно лежавшую на берегу, совсем непохожую на ту, что продолжала угрожающе извиваться в тёмной воде.

И высокие деревья со стройными тёплыми стволами, и извилистая речка, то быстрая и говорливая, то совсем замершая, тихая, гладкая, и выстроенные полукругом большие телеги, на которых они все приезжали, и расставленные, разложенные возле них сверкающие на солнце самовары, ослепительной белизны блюда с кушаньями, большие кувшины с напитками — всё это вызывало у Дани желание смеяться, бегать, проказничать... И они все, включая папу, бегали, визжали, ловили друг друга, падали, пока совсем не уставали. А потом на обратной дороге забирались на телеги и под мерное покачивание быстро засыпали...

Он бывал у отца и зимой, но катания на лыжах и санках не так ему запомнились, хотя рядом с домом заливали большую скользкую горку, с которой санки неслись так, что щёки обжигал мороз...

Иногда они с Бусенькой или дядей Филиппом и мамой Лилей заставляли у папы незнакомых ему дядь и тётъ. Тогда отец не обращал на детей никакого внимания, разве что только на маленького Савву, которого выводил к дяде художнику, жившему неподалёку. Этот художник рисовал папу, но никак не мог нарисовать. А однажды папа захотел сам всех нарисовать каким-то странным ящиком. И заставил бабушку взять в руки большое знамя и сесть на маленькую лошадку. Бусенька послушалась, но у неё за стёклами очков глаза были совсем невесёлые, и Даня догадался, что она совсем не хочет, чтобы её нарисовали...

— Я соскучился по Бусеньке. — Он жалобно посмотрел на дядю Филиппа.

— Я потом тебе всё объясню, — сказал тот, выходя из комнаты.

Лучик всё ещё пересекал постель, и Даня подвинулся так, чтобы он опять лежал на его груди, подумал, что теперь он не болеет и они могут с Бусенькой съездить к папе. И ему надо было сказать ей об этом тотчас же. Он встал, осторожно приоткрыл дверь своей комнаты и медленно пошёл по коридору, сначала решив, что Бусенька обязательно в передней, — она часто там читала сидя в кресле или на диване или беседовала с пациентами дяди Филиппа, которые ждали приглашения в приёмную на осмотр.

Но её там не было, и он заглянул на кухню, откуда всегда доносились разные запахи и зимой было тепло, а летом жарко и где она бывала непременно, пробуя готовившуюся еду. Он поднялся обратно, решив, что она пошла гулять или же сидит во дворе перед домом. Об этом могла знать мама Лиля, поэтому он зашёл в комнату к ней.

Та при виде его не смогла скрыть удивления:

— Данечка, почему ты здесь?

— Я ищу Бусеньку, — сказал он.

— Тебе ещё надо полежать в постели, — сказала мама Лиля, вставая из-за стола и беря его за руку. — Ещё немножко, чтобы болезнь больше не вернулась.

И повела в его комнату, уложила в постель, укрыла одеялом, подтыкая уголки.

— Мне надо с ней поговорить, — прошептал он.

Но усталость от столь длительного путешествия уже брала своё, постель превратилась в мягкое и тёплое облако, на котором было так сладко засыпать...

Теперь он проснулся совсем здоровым, и дядя Филипп разрешил ему вставать и обедать вместе со всеми.

Бусеньки за столом не было. Но спросить, где она, Даня не успел: уже совсем большая его сестра, дочь дяди Филиппа и мамы Лили Шурочка, которой он верил и даже доверял кое-какие тайны, сказала, что после обеда она расскажет ему о бабушке, а сейчас он должен хорошо кушать, чтобы быстро набраться сил, и тогда они отправятся гулять в Кремль...

Ходить в Кремль он любил. Но это надо было заслужить. Гулять по городу его водили в награду за хорошее поведение и успехи в течение недели. И больше всего ему нравилось путешествовать на трамвае.

Дядя Филипп тоже любил ездить на трамвае и обязательно брал с собой книгу, а возвращаясь, рассказывал, что он прочитал, пока ездил к своим пациентам или в больницу, где он служил.

Когда Даня поощрялся поездкой с кем-нибудь из старших, он каждый раз выбирал новый маршрут и, заняв место, принимал к окну, разглядывая незнакомые улицы, дома, людей...

Кремль был ближе, но ходить с ним туда не очень-то любили, потому что не могли зимой или в холодную погоду заставить его надеть шапку: он был уверен, что в этом месте можно находиться только с непокрытой головой...

Но рассказать Шура так и не успела: в прихожей раздался голоса — пришли гости. Они проходили мимо, непременно глядя его по голове, отмечая, что за то время, пока его не видели, он опять вырос. А кто-нибудь обязательно говорил, что он стал совсем взрослым и, направляясь к столу, добавлял, что что же делать, так всё в мире устроено: юное растёт, а старое уходит, чтобы освободить место...

Потом гости расселись вокруг стола, но его никто не стал отправлять в свою комнату, и он, пристроившись в сторонке, ждал, когда сюда придёт Бусенька: она, высокая в своём длинном платье, со строгим выражением лица, всегда обязательно выходила к гостям и охотно с ними разговаривала.

— Леонид тоже виноват, он поступил неосмотрительно, — говорил один из гостей. — Разве можно доверять револьвер чужому человеку. Мало ли, что он себя называл революционером. Не следует поддаваться симпатии.

— Действительно, трудно кого-либо осуждать, мы ведь не знаем всех подробностей, — произнёс статный и серьёзный мужчина, которого все звали Иваном Алексеевичем. — Но случай вопиющий и свидетельствует об общественном нездоровье. А вы знаете какие-нибудь подробности? — повернулся он к дяде Филиппу.

— Елизавете Михайловне что-то рассказывали, — уклончиво отозвался тот, и гости ожидающе стали смотреть на маму Лилю.

— Этот ваш революционер едва не убил Леонида, — с осуждением произнесла она. — На самом деле они оба, учитель и этот преступник, оказались, несмотря на то, что читали книжки, невежественными людьми. И поразительно наглыми...

Услышанное от племянника и жены Леонида всё ещё не было ею пережито. Занятая последние дни своим горем и печальными хлопотами, она забыла о теперь уже давнем, закрытом собственными хлопотами случившемся с бывшим мужем её сестры, но теперь вспомнила и, отвлекаясь от собственных горьких мыслей, стала рассказывать то, что услышала от видевших эту сцену племянника Вадима и жены Леонида, Анны Ильиничны, благодаря которой, собственно, тот и остался жив.

Она помнила, как радовался Леонид, когда в их доме появился учитель — молодой, переполненный смелыми мыслями выпускник университета Михаил. Он надеялся, что тот станет другом для старшего сына, в какой-то мере восполнит тот недостаток внимания, которого не могли дать ни мачеха, ни он

сам. Он видел, что отношения между его старшими сыновьями от так рано покинувшей этот мир Александры и нынешней женой Анной Ильиничной никак не складываются. И хотя та не выделяла свою старшую дочь Нину, но детей, родившихся от Леонида, любила больше, чем сыновей его первой жены, и не скрывала этого. И если младший, Даниил, живя у Добровых и лишь изредка наведываясь к ним в гости, этого не замечал, Вадим подобное отношение переживал. Учитель должен был компенсировать недостаток внимания к старшему сыну, стать тому другом. К тому же Михаил оказался начитанным и любознательным молодым человеком, весьма оригинально и смело мыслил, и Леониду Николаевичу самому было интересно разговаривать, а нередко даже спорить с ним.

Но спустя время первое впечатление, произведённое стройным юношей с модной бородкой и такими же модными суждениями о жизни, сменилось на разочарование. Его методы обучения были не только непонятны, но и казались странными. За малейшую провинность он наказывал Вадима, «сажая в тюрьму», то есть запирали в пустой комнате, заставлял штудировать уроки, не особенно их объясняя.

И всё-таки отказаться от его услуг Леонид Николаевич не спешил, уж слишком интересны были их беседы и споры, к тому же Михаил оказался большим книголюбом и добился разрешения хозяина пользоваться его библиотекой.

Летом хозяева уехали в Крым, и именно учителя Андреев оставил за главного в доме, а тот распорядился принять и оставить неведомо каким ветром заброшенного к ним беглого преступника, крестьянина из Новгородской губернии, который объявил себя «политическим». Звали его Абрам. Вернувшиеся хозяева, поверив на слово и Михаилу, и Абраму, определили обязанностью последнего следить за хозяйством и охранять его. Как охраннику ему и выдал Андреев револьвер с патронами.

Необычайное сближение образованного выпускника университета и полуграмотного «политического» заметили все. И, видя, что Абрам теперь в свободное время сидит с книгой, расценили это как доброе дело.

Сказать, что за два года, которые прожила эта пара в семье Андреевых, у них не случилось ссор с хозяйками, нельзя. И прежде всего это проявлялось в неподобающем отношении к чужой собственности. Оба, и учитель, и Абрам, не спрашивая, брали и пользовались не только книгами, но и другими вещами хозяев. Но Леонид Николаевич относил это к новому прогрессивному взгляду на собственность, который проповедовали оба, и даже упрекал Анну Ильиничну, которая никак с этим не хотела согласиться.

Но в конце года всё накопившееся в Леониде Николаевиче раздражение прорвалось, когда Абрам опять взял без спроса то, что хотел, и он, всплыв, велел охраннику убираться.

— Это настоящий убийца, — голос Елизаветы Михайловны, севший за эти дни от печали и слёз, вдруг зазвенел. — Как Лёня мог этого не видеть!..

— Лизонька, успокойся, — вмешался дядя Филипп. — Всё же хорошо закончилось...

Даня уже слышал эту страшную историю, которая приключилась с его отцом и людьми, жившими с ними.

Учителя своего брата он помнил, тот был совсем нестрашным, хотя Вадим и не любил его. А вот того, кого называли Абрамом, совсем не помнил и поэтому представлял его то с чёрной повязкой на глазу, то со злым, как рисуют преступников, лицом и обязательно с огромным револьвером в руке...

— Вадим слышал, как они ругались, и по его рассказу это выглядело так: Леонид приказал Абраму немедленно уйти — тот отказался. Тогда Леонид из своего револьвера выстрелил в потолок. А Абрам из того, который ему Лёня дал раньше, стрелял в Леонида Николаевича, но Анна Ильинична ударила его по руке и пуля пролетела мимо... — закончил дядя Филипп рассказ за жену.

— Как замечательно, когда рядом верная жена, — негромко заметил Иван Алексеевич. И продолжил: — Но лучше было, если бы они не пригрили этого «политического». Такие, как этот Абрам, ещё принесут России немало горя.

— Зачем же сразу: «политический» — значит, преступник, — возразил другой гость. — Не всякий, кто себя выдаёт за революционера, им является. Этот Абрам — чистый уголовник, это теперь всем ясно, а Леонид Николаевич разбираться в разнице не был намерен, вот и результат...

И взрослые продолжили совсем не интересный Дане разговор, а бабушка всё не приходила, и он незаметно выскользнул за дверь...

Шурочку он нашёл в её комнате и, входя, сразу же сделал насупленное лицо, показывая, что обижен на неё, так и не рассказавшую, почему нет Бусеньки.

— Садись, Данечка, — предупредила она его на вернувшиеся слёзы, и сама отчего-то вытирая глаза платочком. — Ты же знаешь, где твоя мама?

Даня посмотрел на неё. Кивнул.

А Шурочка, всё продолжая сжимать в руке платок, блестя влажными глазами, продолжила:

— Когда ты заболел, бабушка всё время была рядом с тобой, ты же это помнишь?

Он кивнул, хотя не мог точно сказать, чьё лицо видел над собой, когда задыхался и, как ни старался, никак не мог вдохнуть полной грудью.

— Ну вот... А потом наша бабушка Ефросинья Варфоломеевна, Бусенька, тоже заболела. И сейчас она в больнице, её там лечат, как и тебя.

Шурочка глубоко вздохнула, словно ей тоже не хватало воздуха, прижала платок к глазам и, стараясь быть бодрой, произнесла:

— Но она так соскучилась по своей Шурочке, по твоей маме, что хочет скорее с ней встретиться.

— Но моя мама в раю.

— Вот и бабушка очень хочет туда попасть. А ты же знаешь: чтобы пойти по дороге в рай, нужно умереть...

Она посмотрела на него, ожидая подтверждения. Даня кивнул.

— Она бы уже это и сделала, но очень хочет, чтобы ты одобрил её решение. Ты же не будешь против? И Шура замолчала, ожидая его ответа.

— А она очень хочет увидеть маму? — через некоторое время спросил он.

— А ты очень хочешь видеть Бусеньку? — ответила вопросом она. — И бабушка хочет видеть твою маму ещё сильнее...

— Тогда она, так же как мама, больше никогда не придёт?

— Нет. Оттуда никто не приходит, там всем хорошо, — сказала Шура. — Но, когда ты вырастешь, придёт время, и ты встретишься там и с бабушкой, и с мамой.

— Когда? — уточнил он.

— Когда тебе нужно будет идти туда, — ответила Шура. — Но это ещё очень нескоро, — торопливо добавила она. — Так ты отпускаешь её?

— Если она так хочет, — неуверенно отозвался он.

— Ну вот, я так ей и передам... — вздохнула Шура и опять поднесла платок к глазам.

— А можно я напишу ей письмо? — вдруг спросил он.

— Письмо? — удивилась она. — Ну хорошо, напиши...

Получив от Шурочки всё необходимое для письма, он побежал в свою комнату и стал выводить на листе большие буквы, разрешая Бусеньке отправиться в рай и обязательно передать там маме, что придёт время, как сказала Шурочка, и он с ней встретится...

...Потом наступили замечательные дни, наполненные множеством событий, которые бывают летом, когда мир раздвигается так, что его трудно даже вообразить. И когда уже стало совсем тепло и наступили самые короткие ночи, они всем семейством — дядя Филипп, мама Лиза, Саша, Шурочка и он — выехали в дом отца на Чёрную речку.

Отец был в отъезде по делам, но зато все остальные в большом доме были им рады, и дни завертелись в весёлых заботах и играх.

Скоро Даня исследовал все окрестности, определив свои любимые места. Больше всего ему нравилось ходить на реку. Вода, то янтарная в солнечных лучах, то коричневая под тенью белых облаков, то чёрная в пасмурный день, притягивала его, поражая непредсказуемой и всегда неповторимой игрой живых зелёных водорослей, неостановимым движением невесть куда и зачем. Он догадывался, что вставать на его пути бессмысленно, что любая преграда не остановит это движение, а лишь заставит воду растекаться в разные стороны, упорно стремясь к своей цели...

Он уже знал, что, когда люди тонут, они также направляются по дороге в рай, где теперь уже бабушка встретила с мамой. Однажды ему так захотелось их увидеть, что он уже совсем было решил спрыгнуть вниз с моста, но помешал дядя Филипп, который совсем его заискался, потому что уже было довольно поздно.

— Что же ты здесь делаешь? — удивился он его отстранённому выражению лица, отсутствующему взгляду.

И Даня сказал о том, о чём только что думал.

Дядя Филипп почему-то побледнел и, крепко взяв его за руку, по пути домой стал объяснять, что встречу с мамой и бабушкой нельзя ускорить, потому что эта встреча будет только тогда, когда настанет срок.

— А когда он настанет? — спросил Даня.

— Ну, этого никто не знает, кроме Господа, — ответил дядя Филипп. И добавил: — И кроме него никто не может определить точное время. Поэтому, если бы ты это сделал, ты бы никогда с ними не встретился.

И Даня, подумав, согласился с ним...

...Возвращались они домой раньше времени и вместе с Вадимом. Взрослые говорили, что отпуск пришлось прервать из-за войны, которая вдруг началась. И папа решил, что Вадиму лучше это беспокойное время пожить в городе. Добровы с ним согласились.

По возвращении братьев разместили в бывшей комнате Бусеньки. От неё здесь остались образа, сундук и ларец. Перед иконами стояли никогда не зажигавшиеся венчальные свечи их матери, в сундуке хранились её платья, а в ларце лежали бусы и ленты её украинских костюмов, напоминая братьям о их родстве с далёким предком Тарасом Шевченко.

Вадиму с младшим братом играть было неинтересно. Даня боялся высоты, не любил быстрых игр и вообще больше напоминал девочку, чем друзей Вадима. Гимназия, куда его определили, ему тоже не понравилась, и он скоро заскучал и стал проситься обратно к отцу. И Добровы, поняв, что не могут его переубедить, отвезли Вадима обратно.

Даня не очень огорчился — у них с братом были разные игры. К тому же у него теперь было увлечение, о котором он даже сообщил отцу в письме.

«Дорогой папа! Поздравляю тебя с праздником. Как ты живёшь? У меня недавно болели грудь и горло. Я ужасно интересуюсь допотопными животными. Наш знакомый господин надиктовал мне разные названия животных. Там были и Атлантозавр, Протозавр, Телеозавр и многие другие.

У нас в школе завели собственную азбуку... Мне ужасно хочется, чтобы было лето. В Москве ужасные лужи, и так здесь плохо, что на трамваях по четыре стоят на последней подножке. Шура уедет на осень и на зиму в Тифлис актрисой. И она так рада, что не проходит минуты, чтобы она не накричала так, что в Петрограде слышно.

Целую крепко бабу Настю.

Как живёт Вадим? Его поцелуй тоже от меня.

Всё ли ещё Поляна спрашивает прохожих, сидит ли на ней Вадим? Неужели баба Настя играла в опере простого волка? На меня прямо на нервы влияет слово Пасха Х.В. Я её не могу дождаться. Хотя у нас и светит солнце, всё-таки ужасно умопомрачительно плохо.

Я целую всех. Даня».

А ещё он не мог сдержаться, чтобы не поделиться своими творческими планами, и сообщил, что пишет два рассказа «Путешествие насекомых» и «Жизнь допотопных животных».

Пасха в этот первый год войны была ранней, в марте. Он писал это письмо, втайне надеясь, что тем самым ускорит её приход. Как надеялся, что своими письмами солдатам на фронт ускорит окончание войны.

«Скоро кончится война, и мы все будем в городе и будем с тяжёлыми душами вспоминать о прошлом». «Так надоела эта война, что прямо кажется — умрёшь», — чётко выводил он, так, чтобы это было понятно солдатам.

Дядя Филипп теперь работал не только в Первой градской больнице, но и в госпитале.

Гости теперь говорили в основном о положении на фронте и о возникающих в связи с этим трудностях в их жизни.

Но скоро к войне привыкли.

Следующим летом к ним неожиданно приехали отец с Вадимом.

Добровы снимали дачу в Бутово, и у них было достаточно свободного времени для общения. Взрослые довольно скоро переговорили всё, что считали важным, и отец стал больше времени проводить с сыновьями. Июльскими вечерами они втроём ходили гулять берёзовыми рощами к уходящим к горизонту полям. Когда-то отец гулял здесь с их матерью, и однажды по пути он стал вспоминать, где они оста-

навливались, чем любовались. Наконец дошли до маленького, заросшего жёлтыми кувшинками и белыми водяными лилиями пруда, окружённого ивами и высокими стройными берёзами, куда когда-то счастливые влюблённые приходили купаться. И вдруг отец замолчал, остановился, затем быстро пошёл обратно...

На следующий день он уехал, хотя хотел прежде побыть несколько недель.

Восход души

В мире взрослых, который становился всё более понятным ему, происходили какие-то перемены. Но в доме Добровых всё так же многолюдно, шумно. Здесь непрерывно что-то варится, жарится и подаётся к завтраку, обеду, к чаю и просто так всяческим внеочередным гостям, которые обсуждают мировые проблемы, делятся новостями, говорят об искусстве и неизменно спорят. Гости теперь стали более громкими и раздражительными, чем прежде, часто споры приводят к разладу. Прежде обсуждали войну, а теперь всё больше революцию.

Даниил уже многих из них знал.

Иван Алексеевич Бунин был писателем, а Александр Николаевич Скрябин — композитором. Самым шумным и громкоговорившим был Фёдор Иванович Шаляпин, который, навещаясь после гастролей, всегда рассказывал о том, что видел и где бывал. Чаще всего заходила Надежда Сергеевна Бутова, тётя Надя. Она была актрисой и давала уроки Шурочке, мечтающей о театре, но совсем не походила на других актрис, которых Даня видел, больше — на монахиню. Она была глубоко верующей и сосредоточенной на чём-то неведомом ему и очень интересно рассказывала о православии.

А его крёстный, записанный в церковной книге некогда как «города Нижнего цеховой малярного цеха Алексей Максимович Пешков», был, как и Бунин, писателем, но Даня уже знал, что на его крестинах тот не был, потому что находился за границей, но письменно уведомил о своём желании «быть крёстным отцом сына Леонида Николаевича Андреева — Даниила» и за него был брат мамы, дядя Павел, а крёстной мамой — мама Лиля.

Ему было уже одиннадцать лет, и он уже давно знал, что его любимую Бусеньку, заразившуюся от него, похоронили, прежде чем он окончательно выздоровел. Что его отец, известный писатель, наконец-то справился со своей «запойной» болезнью, так огорчавшей родных и близких, и совсем перестал выпивать. Он стал необычайно энергичен, охотно принимал участие в политических дискуссиях и вспоминал мятежное время, когда они с его крёст-

ным добивались столь нужных прогрессивному обществу свобод и которое Даня не мог помнить, потому что он тогда только собирался родиться. И вышло, что свобод ещё было недостаточно и нужно было снова совершать революцию.

Наступил тысяча девятьсот семнадцатый год от Рождества Христова, споры и шумные разговоры уже вышли из квартир на улицы. И Даня ощущал беспокойство и ожидание чего-то страшного, но неизбежного впереди, которые охватили не только Добровых и их знакомых, но, кажется, разлились по улицам.

Впитывая этот, пока непонятный ему, ветер перемен, январским днём он записал в свою заветную тетрадь, которая уже постепенно заполнялась собственными сочинениями:

Буду Богу я молиться,
Людам помогать,
А чудесная Жар-птица
Мне тоску свивать.

Январь сменился февралём, царь отрёкся от престола, все громко стали говорить о свершившейся революции.

Дядя Филипп убеждал всех, что произошедшее к лучшему, потому что перемены давно уже назрели и следует соответствовать цивилизованному миру, в котором сегодня всё более привлекает демократическая форма правления.

Отец тоже не скрывал своей радости, отметив эту дату в своём дневнике: «27 (т.е. 28) февраля 1917 г., 4 часа ночи. Нынче — 27 февраля 1917 г. Один из величайших и радостных дней для России. Какой день!»

Он не мог и не хотел скрывать своей причастности к свершившемуся: ещё до рождения Даниила, в феврале 1905 года, на квартире Андреева состоялось заседание ЦК РСДРП, за что Леонид Николаевич был арестован вместе с девятью членами ЦК партии и посажен в Таганскую тюрьму. И с того времени был под неусыпным вниманием жандармов. Тогда они и стали очень близки и дружны с Алексеем Пешковым.

Но этой убеждённости в долгожданных благих переменах хватило ненадолго. Теперь всё менялось настолько стремительно, что не успели обсудить Керенского, как уже более интересными стали Ленин и Троцкий.

Потом темой разговоров стала карточная система: на карточку давали четверть фунта хлеба на человека в сутки. И не хотелось верить, как предрекали многие, что это ещё хорошо.

Отец в Петербурге стал очевидцем большевистского переворота и ужаснулся ему. Отношения

крёстного с отцом совсем разладились. Леонид Николаевич обвинил Горького в сотрудничестве с большевиками, которых считал губителями России. Теперь они — некогда близкие друзья — стали едва ли не врагами.

Приняв Февральскую революцию, Леонид Николаевич не принял её лидеров, в которых не видел достойных руководителей новой демократической страны. Возник проект патриотической газеты «Русская воля», где он сначала был редактором трёх отделов, а немного спустя стал главным редактором, который писал: «По июльским трупам, по лужам красной крови вступает завоеватель Ленин, гордый победитель, триумфатор, — громче приветствуй его, русский народ!» И далее, не понятое современниками и Даниилом: «Кто же ещё идёт за тобою? Кто он, столь страшный, что бледнеет от ужаса даже твоё дымное и бурное лицо? Густится мрак, и во мраке я слышу голос: «Идущий за мною сильнее меня. Он будет крестить вас огнём и соберёт пшеницу в житницу, а солому сожжёт огнём неугасимым».

Антибольшевистская газета просуществовала всего девять месяцев, как не способный к жизни эмбрион, только до октябрьского переворота и прихода к власти большевиков.

Но это всё проходит мимо Дани, хотя отзвуки политических баталий, в которых принимает участие отец, — предмет частых обсуждений взрослых. У него полно своих забот и дел...

Потом наступил Новый год уже в новом государстве. На какое-то время темой разговоров становится введение нового календаря, когда первое февраля вдруг сразу стало четырнадцатым.

Дольше всего обсуждали знамение, когда в заходящем солнце над Москвой обозначился багровый крест. По мнению большинства, он не предвещал ничего хорошего.

Совсем недолго говорили о переезде большевистского правительства в Москву, дольше — о том, что верующих не пустили на Пасху, в этот раз позднюю, 4 мая, в Кремль.

А летом дошли слухи о расстреле царя...

Одним словом, событий было так много и они менялись с такой быстротой, что даже рисунки, которыми теперь Даниил отражал взволновавшие его события, быстро теряли свою актуальность. И тем не менее он рисует. Только уже не сибаритствующего дядю Филиппа с его сутуловатостью, густыми бровями, бородкой клинышком, которую он любил поглаживать сверху вниз, словно собирая в щепотку, и не оригинальную подругу Шурочки, налысо выбритую загадочную Эсфирь (она ходила в мужском костюме, и её небольшая, не по-женски лысая голова непроизвольно притягивала взгляд и вызывала же-

вание ошутить колючесть упорно отрастающих волос), а брюхатого господина с рукой в кармане и тощего — с тросточкой. И пишет их диалог:

«Василий! Ты мой дворник бывший?!»

«Ишь буржуй, худышкой стал! А во-вторых, какой я тебе дворник? Кто старое вспомнит — тому глаз вон».

«А вот мы, Василий, настоящее вспоминаем, ты теперь будешь буржуй, ты, мой дворник».

Взрослые картинку обсудили, соглашаясь, что устами младенца отражается та самая истина. А потом дядя Филипп, как всегда, сел за рояль, и то, что было там, за стенами дома, уже не казалось таким пугающим...

Но уверенности дяди Филиппа, и не только его, в прекрасном будущем уже очевидно поубавилось. К тому же ошутимо менялся привычный образ жизни: даже пациенты стали обращаться меньше к своим докторам, словно совсем перестали болеть. Надо было на чём-то зарабатывать, чтобы содержать семью, и доктор Добров составил рецепт дрожжей, благотворно действующих на организм. Стоили они недорого, а отклики первых больных оказались настолько хороши, что желающих их заказать становилось всё больше. Сам дядя Филипп уже не успевал их разносить по адресам, и тогда Даниа вызвался помочь. А с ним охотно согласилась бегать по Москве Танечка Оловянишникова, которую он знал столько же, сколько помнил себя. Она жила рядом, была верным другом во всех играх и делах. Вдвоём они обошли почти всю Москву, приобретая привычку к неспешным прогулкам по её улицам с внимательным разглядыванием и обсуждением всего, что встречалось на пути.

Но более всего Даниила тянуло в Кремль. Сердце Москвы — Красная площадь с собором Василия Блаженного — было для него олицетворением Горнего мира, а Большой театр — исключительно земным порождением. Это было особое место, которое он остро чувствовал, но не мог объяснить почему.

А ещё он любил гулять в Нескучном саду...

И было интересно путешествовать на дребезжащем трамвае по Арбату, окидывая взглядом пёструю публику, которой всегда здесь много.

Вообще, на трамвае можно было многое объехать, и он пользовался этой возможностью, чтобы увидеть незнакомые ему уголки Москвы.

А ещё у него был свой мир. Он так и написал в предисловии, которое должно было разъяснить читателю, как относиться к тому, что они прочтут. «Автор сочинения «Юнона» имел целью позабавить молодёжь своеобразной и оригинальной выдумкой «Мой собственный мир»... Лишь некоторые дети придумывали от скуки подобные вещи... Автор сочинения «Юнона» фантазирует, что где-то в беско-

нечных полутёмных пустынях Вселенной есть уголок с почти такой же, как и наша, планетой. Эту планету, которую он окрестил именем Юнона, то есть богиня плодородия, населяют такие же люди, как мы сами».

По вечерам, укладываясь в постель, а нередко и днём, отвлекаясь от скучного урока в гимназии, он уносился мыслями на свою планету, пристально разглядывая её поверхность, открывая уклад жизни, знакомясь с правителями государств, портреты которых он рисовал и развешивал на стенах своей комнаты.

Ему не нужна была большая планета, которую трудно охватить взглядом, и он решил, что Юнона значительно меньше Земли. А следовательно, она быстрее вращается и её год тоже меньше и составляет всего 64 земных дня. Но так как она всё же похожа на Землю, значит, материков на ней также пять, только маленьких. И государства очень похожи на земные, они также или торгуют, или воюют, захватывая чужие территории, а управляются они по-разному. У них даже боги разные.

И этих богов он тоже рисовал.

Теперь в его комнате было тесно от всяческих событий, происходящих на Юноне, и от правителей тамошних государств...

И ему было интересно и радостно придумывать, как от главы к главе он будет описывать, что в его мире на Юноне происходит. Все события должны были завершиться путешествием по Вселенной с посещением Луны, Марса, на котором есть жители и о них он тоже расскажет, затем мимо Юпитера, Сатурна, Урана и Нептуна корабль долетит до звезды Альфа, в систему которой Юнона и входит, и там будет...

Нисколько не сомневаясь, он предположил, что там его путешественники увидят рай, в котором теперь мама и Бусенька...

Но, как тот должен был выглядеть, представить никак не получалось, отчего вдруг возникли сомнения, и он написал в плане своего сочинения: «Что это — рай?» А затем добавил ещё одну, последнюю главу «Ай! А это — ад!.. ай!», посчитав, что она также необходима, но пока не определив, кого из знакомых там увидит...

Но был и другой мир, в котором он не был летописцем, как в своём.

...О смерти Леонида Николаевича Андреева Добровы узнали слишком поздно, чтобы успеть на похороны. Да и Финляндия была уже границей, и время было не для поездок, поэтому он не видел отца в гробу, но представляет, как это было сентябрьским днём 1919 года, когда уже больной, но всё ещё настроенный воевать с большевистской идеологией отец покинул этот мир, отправившись вслед за мамой и Бусенькой по дороге в рай.

Во всяком случае, он надеялся, что в рай, хотя никогда не был с отцом по-настоящему близок...

Добровы выбрали для него частную гимназию. Здесь он увидел Галочку Русакову. Они учились в одном классе, и он довольно скоро понял, что она и есть главная героиня его сочинения и даже его жизни. Всё в этой девочке привлекало его. Ему хотелось видеть её постоянно, но они виделись только в классе, у неё были другие интересы и ей нравились другие мальчики. А он грезил, как они, взявшись за руки, будут гулять по тем местам в Москве, которые так дороги ему...

Правда, время было уже не для гуляний — на улицах стреляли, грабили, убивали... На смену одним правителям так стремительно приходили другие, что трудно было разобраться, кто и куда ведёт страну. Наконец верх взяли большевики, на улицах стало много людей в шинелях и штатских в кожанках и с оружием. Какое-то время гимназия ещё работала как прежде, потом становилось всё труднее придерживаться прежнего распорядка, многие учителя и гимназисты ушли из неё: первые — по причине ненужности их предметов или по нелояльности к новой власти, последние — не видя смысла в продолжении обучения. Всё, что происходило теперь вокруг, было так непостижимо интересно, что заветная тетрадь с «Юноной» была забыта. Но зато другая, куда он записывал стихи, теперь часто открывалась...

Свои чувства к Галочке он держать в себе не мог. И какое-то время ему казалось, что она тоже испытывает к нему — пусть и не такое всепоглощающее, как у него, — ощущение благодарной нужности. Ей было интересно с ним разговаривать, он это видел. Но видел и то, как она провожала взглядом других гимназистов, особенно тех, кто был старше. Иногда она, не задумываясь, что делает ему больно, спрашивала:

— Данечка, скажи, а вот этот мальчик такой же умный, как ты?.. Мне кажется, он тоже пишет стихи...

Он сердито поджимал губы и коротко бросал, что этот мальчик ему незнаком, но привлекательная внешность не всегда говорит об уме.

— И у девочек тоже? — в отместку спрашивала она, не сомневаясь, что в девочках главным для мальчиков как раз является внешность.

Но он не соглашался, потому что уже понимал очарование умной женщины, даже если та и не была красавицей. Такой в его памяти осталась Бусенька. Такой была мама Лиля. И даже Шурочка, удивлявшая экзотичностью своих нарядов, поступков и суждений. Правда, она готовилась стать актрисой и её поведение он считал исполнением ею же выдуманых ролей.